

УДК 378:304

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

М. В. Шакурова, Н. М. Плотникова, Ю. В. Кудинова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 февраля 2019 г.

Аннотация: обосновывается возможность и необходимость классификации социальных практик современных студентов, аргументируется значение использования данной категории для анализа педагогической реальности в высшей школе. Предлагаются варианты классификации социальных практик современных студентов по различным основаниям: по критерию открытости и рефлексивности; по способам изменения практик; по влиянию на профессиональное становление будущих специалистов.

Ключевые слова: социальная практика, студенты, классификация.

Abstract: the possibility and necessity of classifying social practices of modern students is substantiated, argues the importance of using this category for analyzing the pedagogical reality in higher education. The options for classifying the social practices of modern students on various grounds are proposed: by the criterion of openness and reflexivity; on how to change practices; on the impact on the professional development of future professionals.

Key words: social practice, students, classification.

Современная научно-педагогическая лексика отражает ряд актуальных процессов, которые претерпевает педагогика. Один из них – парадигмальный сдвиг как изменение способов мышления и деятельности, принятых научным сообществом «инвариантных признаков ряда педагогических направлений, образующих единую концептуальную сферу» [1, с. 138]. В числе его индикаторов – утверждение постнеклассического мышления (рефлексивного, обращенного к сложным саморазвивающимся процессам и явлениям, принимающего во внимание максимальные уровни обобщения). «Укрупнение» объектов реальности, которым дается, в том числе, педагогическая интерпретация, привело к активному использованию понятия «практика» в его широком значении. Американский антрополог Шерри Ортнер в своей работе «Theory in Anthropology since the sixties» высказала мнение о том, что в 1980-х гг. понятие «практика» стало ориентиром большинства исследований, и вокруг этого понятия стали выстраиваться новые теории и исследования [2].

Цель данной статьи: обоснование возможности классификации социальных практик современных студентов, описание отдельных вариантов.

Анализ современных определений понятия «практика» позволил нам выделить ряд существенных инвариантов:

– этимологическая основа – характеристики «деятельный», «активный», в отдельных случаях дифференцированные по направленности (материальные практики, социальные практики и т. п.);

– исходя из классической теории деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.), практики целенаправлены и сориентированы на результат; опираются на мотивацию, позволяющую судить о просоциальности или антисоциальности активности; предметны и обеспечены средствами, ресурсами, инструментально оснащены;

– наличие предмета и опора на мотив детерминируют индивидуальный или коллективный выбор предпочтительных социальных практик в каждом конкретном случае;

– носят характер целостной или суммативной системы, что определяется наличием структурных составляющих, взаимодействующих в процессе достижения цели. С учетом повторяемости социальных практик представляется возможным в отдельных случаях проследить изменение характеристик системности от суммативности к целостности (в случае развития практик) или от целостности к суммативности (в случае разрушения практик);

– наполнены конкретным, зачастую типовым, содержанием. По критерию содержания разработана большая часть классификаций видов социальных практик;

– имеют преобразовательный характер, поскольку предполагают не адаптацию к объектам природного или социального характера, а их изменение;

– в науке утвердилась установка на оценку практики как диалектически взаимосвязанной с теорией сущности, позволяющей подтверждать или опровергать истинность и достоверность последней.

Онтологическое осмысление практики послужило основой формирования «теорий практики», развития идеи «практического разума». К сущностным характеристикам феномена «практика» относят единство объективного и символического, что является отражением влияния диалектического единства теории и практики.

В дальнейшем рассуждении мы исходим из того, что «социальное» – качественная характеристика и следствие социального взаимодействия и отношений, возникающих по поводу различных интересов и потребностей человека, групп, сообществ. Как следствие, социальные практики есть «устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения социальных индивидов, организаций и групп, имеющие массовое распространение и укоренение в социокультурных нормах» [3, с. 214].

Социальные практики не статичны, они изменяются под влиянием как историко-культурных, так и социокультурных изменений. Относительная статичность имеет место только применительно к определенным отрезкам времени [4, с. 73].

Качественная характеристика «социальная», по мнению Е. В. Черникова, применима к понятию «практика» в силу реализации в социальной среде. В свою очередь социальная среда задает социальным практикам ценностно-нормативное содержание как на формальном, так и на неформальном уровнях [5, с. 16]. С другой стороны, «социальные практики дают возможность осуществлять проверку своих поведенческих актов на соответствие представленной действительности (П. Бурдьё), побуждая социальных субъектов «приспосабливаться к настоящему и будущему» (С. С. Шугальский)» [6, с. 92].

Педагогически релевантное определение социальных практик предлагает А. В. Мудрик. «Социальная практика – виды, типы, формы, способы организации практики, в ходе которых индивидуальный или групповой субъект, используя социальные институты и организации, включает-

ся в систему общественных отношений различных уровней и характеров» [7, с. 8–9]. При этом важно, что в зависимости от особенностей факторов среды, сегментов социума, индивидуальных особенностей восприятия и интерпретации этих особенностей определенным содержанием наполняется процесс саморазвития и самоизменения личности. Очевидно, что педагогическое толкование рассматриваемого понятия есть редукция философско-социологических дефиниций к педагогическим реалиям, на что обращают внимание Т. А. Ромм и М. В. Ромм [8, с. 159]. Следствием становится анализ понятия «социальные практики» в четырех проекциях: ситуация (обстоятельства и условия, порождающие социальные отношения), деятельность («форма социальной активности»), процесс (последовательность преобразующих социальную реальность действий), функция (влияние на приобретение социального опыта).

Обращение педагогики высшей школы к феномену социальных практик позволяет включить в сферу анализа устойчивые формы организации активности, максимально аутентичные конкретным социокультурным условиям, при этом не столько нормативно заданные и административно поддерживаемые («формально-нормативный срез»), сколько выступающие следствием приоритетного выбора социальными акторами и ими же удерживаемые. В связи с этим интересно исследование Н. А. Патутиной, развивающей идеи концепции социального воспитания А. В. Мудрика в части сочетания формального, неформального и информального образования.

Интерпретируя социальные практики в контексте идей А. В. Мудрика и Н. А. Патутиной, обратим внимание на сочетание:

– основного и дополнительного формального образования, определяемого делегированными целями, спланированного в соответствии с установленными нормативными представлениями и установками, опирающегося на установленные программы и нацеленного на нормативный результат, фиксируемый через процедуру обязательной сертификации;

– неформального образования, которое также целенаправленно, но природа целей и задач иная, поскольку учитываются потребности, возможности, задачи конкретной организации. Столь же широк и спектр организационных решений, поскольку оно может происходить в ходе наставничества; проектного, конкурсного и олимпиадного движения; реализации различных программ, не только образовательной направленности; в рамках различных видов коммуникации в организации, во

взаимодействии организации и среды, конкретных акторов и среды; при включении в специально организованный досуг и т. п.;

– информального образования, в основе которого лежит познавательная деятельность индивида, что и определяет уникальность проявлений «в процессе межличностного общения, в процессе самообразования, в повседневной трудовой деятельности» [9, с. 240]; оно максимально индивидуализировано, нуждается в создании специальных условий.

Многочисленность и качественное разнообразие социальных практик предполагают возможность классификации и типизации. Например, с точки зрения А. В. Гаврилина: «Социальные практики могут быть разных типов. Это заметил еще Э. Гидденс, полагая, что “в ходе социализации происходит повторение индивидами социальных практик, что делает возможным их типизацию и научный анализ” (Э. Гидденс, 2005). В зависимости от сферы социума, в которой идет реализация практики, мы выделяем досуговые, трудовые, культурные, медицинские, образовательные и воспитательные социальные практики» [10, с. 111]. Таким образом, одним из оснований для классификации / типизации выступает направленность деятельности. Другим основанием может стать сфера реализации активности. А. В. Гаврилин предлагает в связи с этим рассматривать «практики интродействия (используемые при организации учебно-воспитательного процесса во внутреннем пространстве школы в целях развития тех или иных личностных – гражданско-ценностных качеств) и практики взаимодействия (применяемые для организации взаимодействия с внешними социальными партнерами в целях развития уже не только личностных характеристик, но и различных параметров гражданской идентичности целых территориальных сообществ). В свою очередь, практики второй группы, в зависимости от характера складывающихся отношений с окружающей социальной средой, подразделяются на изоляционные (от воздействия среды), следования (за требованиями среды), преобразовательные (активного воздействия на среду) и партнерские (сотрудничество с субъектами социума для достижения общих социально значимых целей)» [10, с. 112–113].

Рассмотрим классификации социальных практик современных студентов по иным основаниям.

Классификация по критерию открытости и рефлексивности. Социальные практики современных студентов могут:

– быть актуальными, содержание которых очевидно, рефлексивируется исполнителями, находится в фокусе внимания акторов;

– носить фоновый (М. Фуко) характер. Фоновые практики, будучи непрагматичными, как правило, не рефлексивируются. Это привычка, обычай, ритуал, которыми наполнены конкретные культуры и субкультуры в силу определенной культурной инерции [11, с. 619]. Ярким примером могут служить игровые практики в жизнедеятельности и взаимодействиях в вузе;

– быть теньными («иллегальными» [12]) социальными практиками.

Классификация по критерию «способы изменения практик». Воспользуемся описанием способов изменения практик, предложенным В. В. Волковым и О. В. Хохординым [13, с. 23–24]. Они выделяют три вида практик:

– артикулированные – вновь попавшие в фокус внимания, иначе поименованные, получившие новые очертания и регламенты. Примером могут служить современные волонтерские практики, имеющие ряд прототипов в истории высшего образования, прежде всего, добровольная (добровольческая) деятельность, различные формы социальной активности. Другой пример – сетевые взаимодействия (сетевая социальность);

– реконфигуративные – видоизмененные практики, в том числе поменявшие модус, например, с маргинальных на центральные или с неодобряемых к терпимым или приветствуемым и наоборот. В качестве примера приведем практику взаимодействия педагогов и студентов. С введением обязательного развития образовательной электронной среды вуза (ОЭС) ранее приветствуемые непосредственные контакты заменяются опосредованным, виртуальным взаимодействием (распространяется и на студентов очной формы обучения);

– заимствование – перенос известных практических решений в нетипичные условия. Достаточно много примеров демонстрирует киберактивность студентов, ее перенос в повседневную жизнедеятельность. Как отмечает В. А. Плешаков, к социальным практикам в контексте киберсоциализации можно отнести коммуникации, досуг, познание и работу в киберпространстве. Это влияет на «обретение и рефлексивность опыта персональной и совместной деятельности с другими людьми; освоение и интериоризацию социокультурных норм, образцов, способов действий и правил поведения; осознание и презентацию личных результатов и достижений» [14, с. 225]. Закрепившиеся паттерны общения, решения конфликтов, организации досуга, работы с информацией и т. п., продуктивные в киберпространстве, переносятся в пространство вуза. Поскольку со сменой пространства успешность активности снижается, развиваются механизмы замещения. Интересно,

что студенты не стремятся приспособить киберопыт к образовательной повседневности в реальном образовательном пространстве вуза. Они его сегментируют: в части сегментов (как правило, неформального и информального образования) стремятся изменить характер и приемы действий и взаимодействия, в других сегментах (как правило, формального образования) стремятся не пользоваться практиками, освоенными в киберпространстве.

Классификация по критерию влияния на профессиональное становление будущих специалистов. Очевидно, что можно выделить: профессионально обогащающие социальные практики; профессионально нейтральные социальные практики; профессионально деструктивные социальные практики.

Таким образом, очевидно, что научно-педагогическое осмысление и назревшая необходимость технологизации социальных практик современных студентов определяются, в том числе, их анализом с позиции «общее и особенное», конкретизацией и детализацией научного представления о проявлениях данного феномена. В связи с этим классификацию и описание отдельных классов социальных практик современного студенчества необходимо рассматривать в качестве актуальной научно-педагогической задачи, нуждающейся в дальнейшей разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Демакова И. Д.* Воспитательная деятельность педагога в условиях парадигмального сдвига : методологический аспект / И. Д. Демакова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2014. – № 5. – С. 137–151.
2. *Ortner Sh.* Theory in Anthropology since the sixties / Sh. Ortner // Comparative Studies in Society and History. – 1984. – Vol. 26. – P. 126–166.
3. *Заславская Т. И.* Современное российское общество : социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – Москва : Дело, 2004. – 400 с.
4. *Негруль С. В.* Формирование инновативных организационных культур : от идеологем к реальным социальным практикам / С. В. Негруль, Н. А. Лосенкова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 73–79.
5. *Черникова Е. В.* К вопросу о неформальных социальных практиках в социально-трудовой сфе-

ре / Е. В. Черникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 5. – С. 16–17.

6. *Липенская И. А.* Социально-моделирующая игра как форма организации социальных практик / И. А. Липенская // Детство как антропологический, культурологический, психолого-педагогический феномен. Материалы II Междунар. науч. конф. – Самара : Научно-технический центр, 2016. – С. 92–95.

7. *Мудрик А. В.* Социальная педагогика в социальных практиках / А. В. Мудрик // Социальная педагогика в социальных практиках : сб. материалов Междунар. симпозиума / науч. ред. А. В. Мудрик, Т. Т. Щелина. – Москва : БУКИ ВЕДИ, 2013. – С. 8–11.

8. *Ромм Т. А.* Контroversы педагогики повседневности / Т. А. Ромм, М. В. Ромм // Социальная педагогика в социальных практиках : сб. материалов Междунар. симпозиума / науч. ред. А. В. Мудрик, Т. Т. Щелина. – Москва : БУКИ ВЕДИ, 2013. – С. 158–164.

9. *Патутина Н. А.* Корпоративные технологии XXI века : социально-педагогический потенциал организационной культуры / Н. А. Патутина. – Москва : Памятники исторической мысли, 2016. – 464 с.

10. *Гаврилин А. В.* Социальные практики как технологии формирования гражданской идентичности / А. В. Гаврилин // Социальная педагогика в современных социальных практиках : сб. науч. статей VI Междунар. симпозиума. 2–5 июня 2016 г. / науч. ред. А. В. Мудрик, Т. Т. Щелина. – Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 109–115.

11. *Ульянова С. Б.* Фоновые досуговые практики советских городских рабочих в 1920-е гг. / С. Б. Ульянова, Н. В. Офицерова // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее. Сборник научных статей Всерос. конф. с междунар. участием. – Сургут : Курганский Дом печати, 2015. – С. 618–629.

12. *Жидяева Е. С.* Генерализация иллегальных социальных практик и формирование теневого социального порядка как криминогенный фактор / Е. С. Жидяева // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 1. – С. 92–98.

13. *Волков В. В.* Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хахордин. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

14. *Плешаков В. А.* Социальные практики жизнедеятельности «нового человека» – «homo cyberus» / В. А. Плешаков // Социальная педагогика в современных социальных практиках : сб. науч. статей V Междунар. симпозиума. 18–22 мая 2015 г. / науч. ред. А. В. Мудрик, Т. Т. Щелина. – Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – С. 221–230.

Воронежский государственный педагогический университет

Шакурова М. В., доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной педагогики

E-mail: shakurova@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Shakurova M. V., Dr. Habil. In Pedagogy, Professor, Head of the General and Social Pedagogic Department*

E-mail: shakurova@mail.ru

*Кудинова Ю. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры общей и социальной педагогики
E-mail: kudjulia@mail.ru*

*Kudinova J. V., PhD in History, Associate Profes-
sor of the General and Social Pedagogic Department
E-mail: kudjulia@mail.ru*

*Плотникова Н. М., аспирант кафедры общей
и социальной педагогики
E-mail: natali_2702@mail.ru*

*Plotnikova N. M., Post-Graduate Student of the
General and Social Pedagogics Department
E-mail: natali_2702@mail.ru*